

Сравнительный анализ трех проекций национальных характеров русских, мокшан и эрзян

Б.Г. Мещеряков

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии университета «Дубна»

Е.А. Шаманина

аспирант кафедры психологии университета «Дубна»

Ю. Аллик

доктор, профессор экспериментальной психологии (Эстония)

В проведенном авторами исследовании респонденты трех этнических групп (русские, мокша и эрзя — все студенты одного и того же мордовского университета, 140 человек) оценивали с помощью опросника национального характера (ОНХ) личностные черты следующих заданных «объектов оценки»: 1) русского вообще; 2) русского, живущего в Мордовии (региональный русский); 3) мордвина; 4) эрзянина; 5) мокшанина и 6) себя лично. При отсутствии заметных характерологических различий между тремя этногруппами респондентов обнаруживаются большие различия в их авто- и, особенно, гетеростереотипах. Показана общая закономерность перехода от позитивно воспринимаемых значений (низкий нейротизм, высокие открытость, доброжелательность и т. д.) в самоописаниях к менее позитивным в авто- и гетеростереотипах. Сделан вывод, что этнокультурная близость и знакомость народов не гарантируют более точные представления о национальных характерах друг друга.

Ключевые слова: этностереотипы, национальный характер, опросник национального характера, большая пятерка, мордва, мокша, эрзяне, русские.

Вопросы и методология исследования

В социальной психологии стереотипы обычно определяются как разделяемые группой людей устойчивые взгляды, или убеждения (beliefs), о характеристиках и поведении членов определенных групп (напр.: [8, с. 240]). Эти взгляды могут более или менее точно отражать действительность. В отличие от предрассудков (предубеждений), в стереотипах до некоторой степени подчеркиваются реальные групповые различия, и это позволяет говорить, что в них есть «зерно истины» [5, с. 191]. Хотя люди могут иметь стереотипы о возрастных, профессиональных или половых группах, самые влиятельные стереотипы обычно касаются расы и этничности. Люди, как правило, имеют очень устойчивые мнения о типичных личностных характеристиках своей собственной нации и наций, с которыми они часто контактируют; этностереотипы о национальном характере составляют важную часть этнического самосознания и сознания людей, указывая на внутренние (психологические) различия мы — они, т. е. этностереотипы вместе с языковыми и другими культурными осо-

бенностями выступают в качестве основных этнодифференцирующих признаков и факторов этнической идентичности. При этом роль и значимость этностереотипов национального характера может существенно возрастать в ситуациях, когда другие этнодифференцирующие признаки оказываются мало значимыми, что имеет место в случае близких этнокультурных групп (см., напр.: [2]).

Согласно гипотезе контакта (the contact hypothesis) [5; 11], по крайней мере отчасти стереотипы национального характера возникают на основе опыта реальной жизни, тогда как основная причина предубеждений коренится в недостатке знания и непосредственного опыта общения. При благоприятных условиях этностереотипы отражают характеристики так называемой модальной личности, понимаемой как комплекс наиболее частотных в данной группе черт, который воспринимается как воплощение национального характера [9]. Например, если люди некоторой национальности воспринимаются другими и, возможно, самими собой как серьезные, трудолюбивые и приверженные традициям, то это потому, что они имеют более высокий процент индивидов, у ко-

торых нет чувства юмора, которые весьма добросовестны в работе и не очень открыты новым идеям.

С этой точки зрения крайне удивительные результаты были получены, когда автостереотипы 49 наций сравнили со средними профилями оценок личностных черт конкретных (observer-rated personality traits) людей из тех же самых 49 наций [12]. Хотя имело место отличное согласие в том, что люди думают о типичных личностных чертах своей собственной нации, эти автостереотипы не конвергируют с тем, как люди описывают свою собственную личность или личность хорошо знакомого соплеменника. На основании этих наблюдений, был сделан вывод, что автостереотипы о национальном характере не отражают реальность — народ, обычно описываемый как радостный, не обязательно содержит более высокую концентрацию индивидов, которые являются постоянно радостными и наслаждающимися своей жизнью.

Если национальные стереотипы не полностью основаны на индивидуальных наблюдениях, тогда должны быть другие механизмы формирования убеждений о национальном характере. Помимо истории индивидуального опыта, потенциальными источниками этностереотипов могут быть коллективный опыт, массовая коммуникация и даже анекдоты и сплетни. Бостер и Мальцева [6], основываясь на данных своего исследования среди европейских выборок, сделали вывод, что в этнических гетеростереотипах отражается не только и не столько опыт индивидуальных межэтнических контактов, сколько длительный исторический опыт взаимоотношений народов.

Независимо от того, чем определяется и как мы определяем национальный характер вообще и конкретного этноса в частности, насколько он варьирует в этническом пространстве и историческом времени, нам важно знать, как люди разных национальностей представляют и оценивают себя лично, типичных представителей своего этноса и людей из других этнических групп. Когда люди разных национальностей живут бок о бок в одной стране или регионе и имеют богатый опыт повседневного межэтнического общения, сомневаться в существовании у них такого рода представлений и оценок не приходится.

Насколько похожи представления о личностных свойствах людей разной национальности у респондентов двух или более этнических групп? Могут ли представители другой этнической группы оценивать типичного представителя данной этнической группы (гетеростереотип) таким же образом, как и сами члены этой группы (автостереотип)? Как соотносится разнообразие этнических стереотипов с разнообразием обобщенных самоописаний, т. е. усредненных оценок респондентами самих себя?

В данном исследовании респонденты трех этнических групп (русские, мокша и эрзя) оценивали с помощью опросника национального характера (ОНХ) личностные черты следующих заданных «объектов оценки»: 1) русского вообще; 2) русского,

живущего в Мордовии (региональный русский); 3) мордвина; 4) эрзянина; 5) мокшанина и 6) себя лично. В соответствии с общепринятой практикой индивидуальные оценки респондентов в каждой этнической группе усреднялись, давая личностные профили по 30 субшкалам, дополнительно группируемым по пяти факторам так называемой большой пятерки. Таким образом, на первичном этапе обработки возникает 18 личностных профилей, по три для каждого из шести объектов оценки.

Исчерпывающее сравнение всех профилей со всеми в данном исследовании предполагает анализ 153 пар профилей, но с точки зрения поставленных вопросов существует возможность значительно ограничить объем аналитической работы, применив в ней две схемы анализа.

Первая схема рассматривает и сравнивает степень сходства в трех парах этногрупп (русский — мокша, русский — эрзя и эрзя — мокша) при оценивании одних и тех же объектов. Для шести объектов оценки общее количество сравниваемых пар личностных профилей составляет 18. Большинство этих пар (15 из 18) образуются из этностереотипов, характеризующих обобщенных (или типичных) представителей своей (автостереотип) или другой этнической группы (гетеростереотип).

Эта схема анализа дает возможность оценить, насколько похожи разноэтнические личностные описания одних и тех же объектов. Акцент здесь делается на том, как один и тот же объект воспринимается представителями разных этносов (разными группами оценщиков). Особый интерес вызывает вопрос, какая из трех этнических пар дает наиболее согласованные друг с другом оценки, — будет ли это пара из двух мордовских субэтносов или же пара, состоящая из русских респондентов и респондентов одного из мордовских субэтносов.

Одним из доказательств неточности этностереотипов служит часто наблюдаемый факт несоответствия между авто- и гетеростереотипами: «В частности, русские обычно описываются на Западе как дисциплинированные (например, серьезные, трудолюбивые и скрытные) и настойчивые (например, сильные, гордые), в то время как русский автостереотип, скорее, говорит о противоположном: русские считают себя беспечными, дружелюбными и пассивными (Peabody, 1985; Stephan и др., 1993). Следовательно, по крайней мере один из этих стереотипов должен быть неточным» [1, с. 4]. Однако это сравнение оставляет открытым вопрос, являются ли более точными авто- или гетеростереотипы. Для ответа на него нам необходима вторая схема анализа.

Вторая схема заключается в сопоставлении разноэтнических профилей типичного представителя данного этноса (например, русский вообще в представлении русских, мокшан и эрзян) с обобщенным профилем самоописаний самих респондентов из этого этноса (например, русских). Другими словами, здесь авто- и гетеростереотипы данного этнического объекта сопоставляются с соответствующим ему

обобщенным самописанием респондентов. Таким образом, для каждого из пяти оцениваемых «типичных представителей этноса» проводится три сравнения, а всего — 15 пар сравнений.

Посредством таких сравнений можно ответить на вопрос, будут ли автостереотипы (вторичная проекция национального характера) более близки к самописанию респондентов, чем гетеростереотипы (третичная проекция национального характера). В определенном смысле такое сравнение можно рассматривать как измерение точности (правильности) авто- и гетеростереотипов.

Кроме того, интересно проверить, какие из гетеростереотипов будут более близкими к первичной проекции национального характера данного субэтноса (например, мокшан) — гетеростереотип, разделяемый более близкой этногруппой (эрзян), или более далекой (русские).

Широкое сравнение гетеростереотипов в отношении одних и тех же этнических объектов проводили Бостер и Мальцева [6]: они анализировали этностереотипы в отношении 25 национальностей (европейских и неевропейских) у жителей 15 европейских городов (из 12 стран). Результаты опроса позволяли получить ответы на вопросы, как варьирует сходство этностереотипов у оценщиков из разных европейских городов в зависимости от географического расстояния между целевыми этносами (ожидалось, что этностереотипы более далеких друг от друга этносов будут менее похожими), а также — как варьирует сходство этностереотипов одних и тех же целевых этносов в зависимости от географической удаленности друг от друга местоположений групп оценщиков (ожидалось, что более близкие друг к другу оценщики будут давать более похожие стереотипы). Кроме того, выяснялись зависимости сходства этностереотипов в отношении объектов А и В от среднего расстояния между данной группой оценщиков и объектами оценки, а также зависимости сходства этностереотипов данного этноса от среднего расстояния между этим этносом и данной парой групп оценщиков.

В исследовании Бостер и Мальцевой [6] были установлены следующие зависимости.

1. Чем более удалены друг от друга целевые этносы, тем в меньшей степени они оцениваются похожим образом.

2. Если увеличивается среднее расстояние от данной группы оценщиков до оцениваемой пары целей, то сходство между оценками целей тоже увеличивается (например, норвежцы и финны выглядят очень отличающимися друг друга, если рассматриваются из Стокгольма, но они будут похожими друг на друга, когда рассматриваются из Неаполя).

3. Чем более удалены друг от друга местоположения оценщиков, тем менее вероятно, что они будут похожим образом оценивать другие нации.

4. Если увеличивается среднее расстояние между группами оценщиков и целью, то сходство суждений

о цели возрастает (например, немцы и англичане могут не согласиться в том, что характеризует французов, но согласятся в своих стереотипах о китайцах или японцах).

Очевидно, что приведенные выше выводы не применимы в случае нашего исследования, в котором у трех этнических групп оценщиков выявлялись автостереотипы и взаимные гетеростереотипы, но, в отличие от исследования Бостер и Мальцева, нет никакого географического расстояния ни между этногруппами, ни между объектами оценки, ни между первыми и вторыми. Таким образом, изучаемая нами ситуация характеризуется разными этнокультурными расстояниями между оценщиками (и объектами оценки) при практически нулевом географическом расстоянии. Еще одно отличие заключается в том, что в нашем исследовании измерялись как стереотипы, так и самописания личности респондентов.

Первое и, возможно, единственное к настоящему времени психологическое исследование этнических авто- и гетеростереотипов мокшан, эрзян и русских в Мордовии провел С.И. Баляев [2; 3]. В нем принимали участие студенты Мордовского университета: 52 — эрзя, 52 — мокша и 60 русских¹. Данное исследование, по словам самого автора, являлось своего рода этнопсихологической разведкой «при полном отсутствии подобного эмпирического опыта изучения межэтнических (субэтнических) отношений в Мордовии» [2, с. 74]. Не совсем ясно, почему автор отдавал предпочтение психосемантическим методам, считая их «на сегодняшний день наиболее достоверными способами получения объективной информации о содержании этнического стереотипа» [3, с. 9]. Если обратиться к международным кросс-культурным исследованиям, то в них получили распространение стандартизированные личностные опросники с очень простым и наглядным способом обработки данных. Особенно популярными психодиагностическими средствами кросс-культурных исследований этностереотипов и национального характера являются опросники, основанные на пятифакторной модели личности [10]. Эта модель включает так называемую большую пятерку факторов: «открытость опыту» (openness for experience, O), «добросовестность, или сознательность» (conscientiousness, C), «экстраверсия» (extraversion, E), «приятность, или дружелюбность» (agreeableness, A), «нейротизм» (neuroticism, N). Оценки личности, соответствующие каждому из этих факторов, объединяют (обычно суммируют) специфические для каждого фактора наборы из шести черт (facets). Для измерения факторов большой пятерки (БП) на основе 30 специфических черт предназначен ревизованный личностный опросник NEO-PI-R, состоящий из 240 пунктов [7], а также его краткие формы, в том числе используемый в настоящей работе Опросник национального характера (ОНХ, англ. — National Character Survey, NCS).

¹ Кроме того, среди участников была также малочисленная группа студентов татарской национальности (16 человек).

Мы предполагали, что применение опросника ОНХ позволит вполне достоверно и статистически обоснованно выявить основной факт, который был установлен в исследовании С.И. Баляева: «в отношении взаимных представлений эрзян и мокшан психологическая дистанцированность гораздо больше, чем «положено» иметь родственным в этническом отношении общностям» [3, с. 18]. Этот факт автор рассматривает как частный случай общего положения, названного «парадоксом этнической дистанции»: «чем меньше этнокультурная дистанция между соседствующими группами, тем более значимыми для обеих групп оказываются их минимальные различия» [2, с. 42]. Однако доказательств реального существования каких-то минимальных различий в национальных характерах, которые могли бы иметь неодинаковую значимость для различно дистанцированных этногрупп, пока явно не хватает. Напротив, учитывая результаты предшествующих исследований [4; 12], включая и исследование С.И. Баляева [2; 3], нам следует выдвинуть контргипотезу, что взаимные гетеростереотипы эрзян, мокшан и русских не отражают реальные взаиморазличия национальных характеров.

Метод

Респонденты. Выборка состояла из 140 студентов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, из которых 50 были русские (16 мужчин, 34 женщины), 50 — эрзя (9 мужчин, 41 женщина) и 40 — мокша (11 мужчин и 29 женщин). Средний возраст по всей выборке составил 20,1 года (диапазон от 17 до 24 лет). Проверка с помощью критерия хи-квадрат на неоднородность распределений респондентов по полу в разных этногруппах показывает, что эти распределения можно считать достаточно однородными ($\chi^2 = 2,66$, d.f. = 2, $p = 0,265$).

Методика. В качестве методического материала использовался Опросник национального характера (ОНХ), который в своей основе имеет 30 субшкал модели «большая пятерка». Респонденты трех этнических групп (русские, мокша и эрзя) оценивали с помощью данного опросника личностные черты шести ранее названных «объектов оценки». Для оценки каждой личностной черты испытуемым предлагалась пятибалльная (пунктирная) шкала, на противоположных полюсах которой представлены краткие описания низких и высоких степеней выраженности личностной черты. При заполнении опросника на каждой такой ответной шкале респонденту необходимо было поставить отметку (например, крестик или галочку), указав тем самым, какое из двух описаний каждой характеристики является более вероятным. Кроме того, респондентам предлагалось ответить на дополнительные вопросы о своих социодемографических характеристиках (пол, возраст, национальность, курс обучения, специальность), а также на вопросы, выясняющие различные установки

респондентов в отношении этничности и себя самого (например, «насколько поведение человека зависит от его национальности?», «насколько Вы гордитесь принадлежностью к данной национальности?», «владение национальным языком» и др.). Анкета имела две формы («А» и «В»), которые отличались друг от друга лишь порядком оценивания заданных целей.

Процедура. Опрос респондентов проходил в групповой форме, т. е. опрашивалась сразу целая группа студентов, инструкция давалась всем сразу. Ключевой фрагмент инструкции: «Данное исследование является продолжением двух Международных проектов по изучению национального характера более 40 народов мира. В этих исследованиях выясняются мнения людей о характерных чертах людей разных национальностей. В данном опросе нас прежде всего интересует Ваше мнение о мордве (мокша и эрзя) и русском человеке. Пожалуйста, оцените по предлагаемым характеристикам типичного русского, типичного русского, проживающего в Мордовии, мордвина, эрзянина, мокшанина, а также себя лично». Каждому респонденту вручали печатный текст анкеты из стопки, в которой случайным образом были перемешаны две формы анкет. Примерно половина респондентов ответили на анкету формы «А», другая половина — на форму «В».

Результаты

Попарное сравнение личностных профилей друг с другом для каждого из объектов оценки и результаты кластерного анализа. Для попарного сравнения профилей (по 30 субшкалам), т. е. для оценки степени сходства их формы и положения, применялись три меры сходства: коэффициент ранговой корреляции Спирмена, количество значимых (и маргинально значимых) различий (t -тест), общая сумма квадратов разностей (различий) средних значений по каждой субшкале. Заметим, что при использовании коэффициента корреляции в качестве меры сходства профилей проверка его значимости не имеет особого смысла. Результаты этих оценок сведены в табл. 1, в нижней строке которой неформально определен общий ранг сходства между тремя профилями для каждого из шести объектов оценки. Кроме того, в табл. 2 представлены результаты проверки статистической значимости (t -тест с независимыми выборками) по пяти факторам большой пятерки (БП).

В таблице 1 обращает на себя внимание очень высокая (фактически, наибольшая) степень сходства в группе самоописаний: 1) коэффициенты корреляции варьируют от 0,847 до 0,925; 2) количество значимых различий по 30 субшкалам в каждой сравниваемой паре этногрупп не больше одного; 3) сумма квадратов разностей между средними значениями профилей самоописаний минимальна. Как это ни удивительно, по пяти факторам БП (N, E, O, A, C) русские

Таблица 1

Разные меры сходства между оценками личностных черт шести «объектов оценки» респондентами из трех этногрупп

Меры сходства	Пары этногрупп	Объект оценки					
		Русский вообще	Русский в Мордовии	Мордвин	Эрзянин	Мокшанин	Сам респондент
г Спирмена	Русский / мокша	0,753	0,648	0,747	0,773	0,733	0,847
	Русский / эрзя	0,691	0,770	0,813	0,753	0,575	0,916
	Эрзя / мокша	0,776	0,745	0,838	0,575	0,460	0,925
	Среднее:	0,74	0,72	0,80	0,70	0,59	0,90
Кол-во значимых (маргинальных) различий	Русский / мокша	4 (2)	3 (3)	0 (1)	0 (1)	1 (3)	1(2)
	Русский / эрзя	3 (2)	1 (1)	1 (3)	5 (3)	5 (6)	1 (1)
	Эрзя / мокша	3 (2)	1 (2)	3 (0)	7 (0)	12 (1)	1 (0)
	Σ:	10 (6)	5 (6)	4 (4)	12 (4)	18 (10)	3 (3)
Σ квадратов разностей	Русский / мокша	3,116	2,736	1,844	1,419	2,054	1,689
	Русский / эрзя	2,100	1,684	1,516	3,274	4,063	1,479
	Эрзя / мокша	2,289	1,772	1,385	5,270	6,106	1,533
	Среднее:	2,50	2,06	1,58	3,32	4,07	1,57
	Общий ранг сходства	4	3	2	5	6	1

респонденты значимо не отличаются от обоих мордовских субэтносов, равно как и сами последние друг от друга (см. табл. 2). Обнаружены лишь три статистически значимых различия по субшкалам: русские и эрзяне оценивают себя выше по субшкале А2 (прямолинейность), чем мокшане себя, и русские дают более высокую оценку у себя по субшкале Е5 (поиск волнений), чем эрзяне. Маргинальной значимости достигают следующие субшкалы: эрзяне выше, чем русские, оценивают у себя Е2 (теплота), а русские имеют более высокие значения по О1 (фантазия) и О5 (идеи) по сравнению с мокшей.

Анализ сходства самоописаний приводит нас к первому важному выводу: нет никаких существенных различий по факторам большой пятерки и подавляющему большинству субшкал в первичных проекциях национальных характеров исследуемых выборок русских, мокшан и эрзян. Следовательно, полученные данные дают основание сомневаться в существовании заметных характерологических различий у представителей трех рассматриваемых этнических групп.

На втором, но очень близком к первому месте по степени сходства находятся личностные профили

мордвина: коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от 0,747 до 0,838, тогда как количество значимых различий по отдельным субшкалам для всех трех сравниваемых пар равно четырем. Заметим, что сумма квадратов разностей между профилями для этого «этностереотипа» практически не отличается от соответствующего показателя для самоописаний (1,58 vs. 1,57). Здесь тоже нет значимых различий по факторам БП, хотя имеется одно различие на маргинальном уровне значимости по фактору А в паре русские — мокша. В целом эти данные свидетельствуют, что на уровне стереотипов и гетеростереотипов², в принципе, оценки могут быть примерно такими же похожими у разных этнических групп, как и их оценки на уровне самоописаний.

Как видно из табл. 1 и 2, на третьем и четвертом местах по сходству профилей можно поместить оценки типичного русского, живущего в Мордовии (региональный русский), и русского вообще. Можно заметить, что «русский вообще» оценивается менее согласованно, чем «русский, живущий в Мордовии»: хотя корреляционное сходство профилей примерно одинаковое, но значимых различий по *t*-тесту в два раза больше для «русского вообще». Значимых различий

Таблица 2

Значимые (маргинальные) различия по пяти факторам БП

Пары этногрупп	Объект оценки						Σ
	Русский	Русский вообще	Мордвин в Мордовии	Эрзянин	Мокшанин	Сам респондент	
Русский / мокша	A*(E)	(C)	(A)	нет	A*	нет	2 (3)
Русский / эрзя	нет	(C)	нет	O*, A*, C*	E*** (A)	нет	4 (2)
Эрзя / мокша	нет	(N)	нет	A***, C***	E***, O*, A***	нет	5(1)
	Σ:	1(1)	0(3)	0(1)	5(0)	5(1)	0(0)

* — разность средних значима на уровне $p < 0,05$; *** — разность средних значима на уровне $p < 0,001$.

² Поясним, что оценки типичного мордвина русскими респондентами нами относятся к категории гетеростереотипа, а оценки мокшанскими и эрзянскими респондентами — к категории автостереотипов.

по факторам большой пятерки для русского, живущего в Мордовии», выявлено не было, тогда как для «русского вообще» единственное значимое различие установлено в паре этногрупп русские и мокшане: русские значительно выше оценивают «русского вообще» по фактору А (доброжелательность). На уровне субшкал, относящихся к фактору А, можно заметить, что мокшане (по сравнению с русскими респондентами) существенно недооценивают у «русского вообще» А2 (прямолинейность), А5 (скромность) и А6 (добросердечность). Хотя у эрзян при оценке «русского вообще» по факторам большой пятерки (по сравнению с русскими респондентами) нет значимых и даже маргинальных различий, но на уровне субшкал в эрзянском профиле «русского вообще» тоже обнаруживается существенная недооценка А2 и маргинальные недооценки по субшкалам А3 (альтруизм) и А6. Таким образом, по фактору «доброжелательность» «русский вообще» представляется мокшанами и эрзянами более хитрым, эгоистичным, высокомерным и черствым, чем он рисуется в представлении русских респондентов (и, конечно, по сравнению с самоописаниями всех респондентов). Отсюда, однако, не следует, что именно «русский вообще» рассматривается как самый недоброжелательный тип.

Наиболее несогласующиеся личностные профили приписываются эрзянам (общий ранг сходства составляет 5) и мокшанам (последнее, 6-е, место по общему рангу сходства). Это хорошо видно по всем показателям сходства как для субшкал, так и для факторов большой пятерки (см. табл. 1 и 2).

В целом проанализированные данные позволяют сделать вывод: три группы респондентов показывают достаточно высокое сходство при оценке одних объектов (себя, типичного мордвина), но резко различаются при оценке других (особенно типичных представителей мордовских субэтносов). Столь высокое расхождение этностереотипов, касающихся мордовских субэтносов, по сравнению с вариативностью самоописаний, а также по сравнению с вариативностью этностереотипов мордвина и даже русских, означает, что этностереотипы мордовских субэтносов приписывают своим объектам значительно больше различий, чем они в реальности существуют.

Попытаемся дифференцировать анализ данных, представленных в табл. 1 и 2, в соответствии с вопросом о том, какие пары этногрупп респондентов демонстрируют между собой наибольшие согласие или, напротив, расхождение.

Если делать вывод целостно по всем объектам оценки, вполне уверенно можно утверждать, что русские респонденты имеют большее согласие с мокшанами, чем с эрзянами, но самые значительные расхождения обнаруживаются внутри пары мордовских групп. Это можно видеть по последнему столбцу табл. 2, где указаны количества существенно отличающихся факторов большой пятерки. Аналогичная тенденция выявляется, если просуммировать по строкам приведенные в табл. 1 суммы квадратов разностей для каждой пары этнических групп:

русский / мокша — 12,9, русский / эрзя — 14,1, эрзя / мокша — 18,4. Еще более показательны соответствующие количества значимых различий на уровне субшкал: 9, 16 и 27. Любопытно, но не удивительно, что средние значения коэффициентов корреляций не показывают эту тенденцию: 0,750; 0,753 и 0,720.

Совместно анализируя, как варьирует сходство профилей от типа пары этногрупп и от объекта оценки, приходим с очевидностью к выводу о наличии взаимодействия между объектом оценки и типом пары. Для одних объектов различия между группами примерно одинаковы и небольшие (например, при оценивании себя и типичного мордвина), но для других они возрастают, причем в заметно разной степени. Так, при оценивании типичных представителей эрзи и мокши степень сходства в разных парах колеблется от высокой (русские и мокшанские респонденты) до очень низкой (эрзянские и мокшанские респонденты). При оценивании типичного мокшанина больше всего не согласуются друг с другом мокшанский (мокша / мокша) и эрзянский гетеростереотипы (эрзя / мокша). Здесь получены самый низкий коэффициент корреляции (0,460), наибольшее количество значимых различий по субшкалам (12) и наибольшая сумма квадратов разностей (6,1). При оценивании типичного эрзянина также имеет место значительное несогласие в этой паре этногрупп (автостереотип эрзя / эрзя vs. гетеростереотип мокша / эрзя): коэффициент корреляции между профилями составил 0,575, количество значимых различий по субшкалам равно 7, а сумма квадратов разностей — 5,3. По факторам большой пятерки русские и мокшанские респонденты не дают значимых различий при оценке типичного эрзянина и отличаются значимо лишь по одному фактору (А) при оценке мокшанина, тогда как эрзянские и мокшанские респонденты при оценке эрзянина и мокшанина отличаются, соответственно, по двум (А, С) и трем (Е, О и А) факторам.

Таким образом, достаточно очевидно, что наибольшие различия в оценках национального характера проявляются, когда объектами оценивания являются типичные эрзя и мокша, причем эти различия особенно возрастают для пары эрзянских и мокшанских респондентов.

Как уже отмечалось, русские респонденты показывают более высокое согласие с мокшанскими респондентами, чем с эрзянскими, но расхождения с последними становятся наиболее сильными при оценке мордовских субэтносов, причем, как можно видеть в табл. 1, русские респонденты больше всего расходятся с эрзянскими при оценивании типичного мокшанина (мокша vs. эрзя : мокша), а не эрзянина (русский / эрзя vs. эрзя / эрзя): в первом случае коэффициент корреляции 0,575, количество значимых различий по субшкалам 5 и сумма квадратов разностей 4,1, во втором случае — $r = 0,753$, тоже 5 значимых различий (но при меньшем числе маргинальных различий) и сумма квадратов разностей 3,3. Это означает, что эрзянский гетеростереотип мокши (эрзя / мокша) не разделяется в значительной степени

не только мокшанами, но и русскими, и он тем самым находится как бы в изолированном положении.

Эта картина очень наглядно проявилась и в итоговой дендрограмме, полученной с помощью иерархического кластерного анализа (см. рис. 1). На первом уровне деления все профили разделились на компактную группу самоописаний (16, 26, 36) и большую группу этностереотипов, на втором уровне из группы стереотипов выделился только что упомянутый эрзянский гетеростереотип в отношении типичного мокшанина. И на третьем уровне произошло четкое деление стереотипов на группу из восьми гетеростереотипов (21, 22, 34, 13, 15, 14, 32, 31) и всех шести автостереотипов (23, 33, 24, 35, 11, 12).

Все это убеждает нас, что высокая этнокультурная близость (в данном случае мокшан и эрзян) не является гарантией более высокого сходства их взаимных этностереотипов. Мы видим, что гораздо менее родственные этногруппы (в данном случае русские и мокшане) могут иметь столь же или даже более похожие этностереотипы. Это также означает, что и интенсивность контактов не может служить гарантией адекватности этностереотипов. Таким образом, этнокультурная близость и знакомость двух народов не гарантируют более точные представления о национальных характерах друг друга; этнокультурно более далекий, «третий» народ может иметь более точные представления о национальном характере этих народов.

Другой вопрос — насколько точными являются те или иные стереотипы. Можно надеяться получить на него ответ, проанализировав сходство между этно-

стереотипами и самоописаниями изучавшихся этнических групп респондентов.

Сравнение этностереотипов с соответствующими самоописаниями

Напомним, что в данном исследовании респонденты оценивали по множеству шкал выраженность различных личностных черт у себя лично и у пяти обобщенных объектов, маркируемых этническим названием. Мы отдаем себе отчет, что три студенческие выборки наших респондентов не являются репрезентативными в отношении всех представителей соответствующих трех этносов. Поэтому нельзя утверждать, что сравнение авто- и гетеростереотипов, например, «русского вообще» с обобщенными самооцениваемыми характеристиками личности русских респондентов даст нам полную и истинную оценку точности стереотипов. Тем не менее, поскольку можно допустить, что личностные черты русских респондентов должны в значительно большей степени соответствовать русскому национальному характеру, чем личностные черты мордовских респондентов, такая процедура не лишена смысла в сравнительном аспекте.

Для обеспечения равных условий всем сравниваемым парам проверка значимости проводилась с помощью *t*-теста для независимых выборок (даже в парах, для которых можно было бы использовать тест с повторными измерениями, а именно для автостереотипов и самоописаний). Из-за громоздкости таблиц,

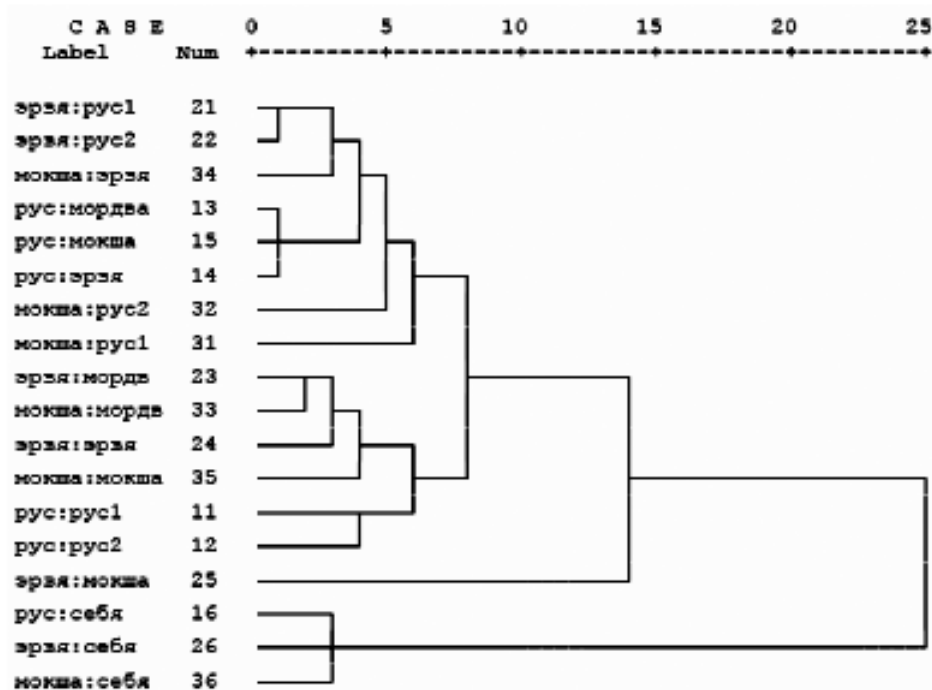

Рис. 1. Дендрограмма, показывающая результаты иерархического кластерного анализа 18 личностных профилей (по 30 субшкалам).

Примечание. Каждый профиль обозначен двумя словами, разделенными двоеточием: первое слово указывает «группу оценщиков», второе — «объект оценки». Двухзначные цифры являются дополнительным кодом профилей (первая цифра кодирует этногруппу оценщиков: 1 — русские, 2 — эрзя, 3 — мокша; вторая цифра относится к объекту оценки: от 1 для «русского вообще» до 6 для самоописания).

содержащих информацию о всех статистических сравнениях по 30 субшкалам для всех сравниваемых пар, мы приводим лишь итоговую информацию о количестве значимых (и маргинально значимых) различий, а также о суммах квадратов разностей (табл. 3). Следует пояснить, что личностный профиль самоописания мордвина, необходимый для сравнений с авто- и гетеростереотипами мордвина, определялся по общей выборке мокшан и эрзян, хотя личностные профили автостереотипов мордвина считались раздельно для этих двух групп.

По данным табл. 3 можно заключить, что точность гетеростереотипов примерно в два раза хуже, чем автостереотипов, а это косвенно подтверждает правомерность разделения авто- и гетеростереоти-

пов с помощью терминов «вторичная и третичная проекции национального характера».

Кроме того, можно сделать вывод, созвучный выводу из предыдущего раздела анализа результатов: взаимные гетеростереотипы близких этногрупп могут быть менее точными, чем соответствующие гетеростереотипы этнически неродственных этногрупп. Это следует из того, что представления русских респондентов о типичных мокшанах и эрзянах оказались ближе к самоописаниям мокшанских и эрзянских респондентов, чем представления мокшан об эрзянах и эрзян о мокшанах, и это особенно ясно видно в случае эрзянского гетеростереотипа мокшан.

В таблицах 4 и 5 отражены результаты аналогичной статистической проверки различий по факто-

Таблица 3

Показатели сходства этностереотипов с самоописаниями (по 30 субшкалам)

Объект оценки	Автостереотипы		Гетеростереотипы		
	значимые (маргинальные) различия	Σ квадратов разностей	группа респондентов	значимые (маргинальные) различия	Σ квадратов разностей
Русский вообще	9 (1)	4,24	Эрзяне	10 (4)	6,37
			Мокшане	16 (2)	10,16
Русский в Мордовии	7 (5)	4,65	Эрзяне	14 (3)	8,05
			Мокшане	12(3)	9,49
Мокшанин	7(3)	4,37	Русские	9 (4)	6,63
			Эрзяне	19 (4)	13,06
Эрзянин	8 (3)	3,32	Русские	13 (2)	9,93
			Мокшане	16 (1)	12,45
Мордвин	У мокшан: 7 (5)	3,98	Русские	14 (0)	7,19
	У эрзян: 13 (3)	4,89			
Среднее:	8,5 (3)	4,2		13,7 (3)	9,3

Таблица 4

Значимость различий авто- и гетеростереотипов от самоописаний по факторам большой пятёрки

Объект оценки	Факторы	Первичная проекция (самоописание)	Вторичная проекция (автостереотип)	Третичные проекции (гетеростереотипы)	
		средние значения	разности	разности	разности
Русские вообще				Эрзянский	Мокшанский
	N	9,49	0,191	0,615	1,126
	E	15,40	-0,024	-0,504	-1,815м
	O	17,54	-2,122*	-3,062***	-3,260***
	A	16,30	-2,138*	-3,418***	-4,323***
	C	16,69	-2,928**	-2,157*	-3,576***
Русские в Мордовии				Эрзянский	Мокшанский
	N	9,49	1,351м	1,362*	0,186
	E	15,40	-1,084	-1,217м	-1,004
	O	17,54	-2,382**	-2,903***	-3,208***
	A	16,30	-3,158***	-4,511***	-4,523***
	C	16,69	-1,168	-2,792**	-2,985**
Мокшане				Русский	Эрзянский
	N	8,63	1,950*	1,896*	2,055*
	E	15,51	-0,463	-0,138	-3,064***
	O	16,20	-2,450**	-2,783**	-3,873***
	A	15,68	-,875	-2,800**	-4,555***
	C	17,35	-2,675**	-3,558***	-4,130***
Эрзяне				Русский	Мокшанский
	N	9,25	,210	1,229	0,853
	E	15,21	-0,667	-0,902	-0,733
	O	17,28	-2,630***	-4,589***	-3,949***
	A	16,89	-1,974*	-4,139***	-4,869***
	C	17,66	-1,597*	-3,451***	-4,714***

Проекции национального характера мордвина

Факторы	Первичная проекция (самоописание мордвинских респондентов) средние значения	Вторичная проекция (автостереотип)	Третичная проекция (гетеростереотип)	
		эрзя разности	мокша разности	русские разности
N	8,97	0,463	0,736	1,016
E	15,34	-1,026	-0,165	0,055
O	16,78	-3,446***	-2,069*	-3,159***
A	16,33	-2,729***	-2,000**	-3,873***
C	17,52	-2,413***	-3,338***	-3,137***

рам большой пятерки между самоописаниями этногрупп и оценками их типичных представителей (авто- и гетеростереотипы). В этих таблицах в столбцах «разности» представлены разности между средними значениями факторов большой пятерки автоили гетеростереотипа русских, мокшан, эрзян (табл. 4), а также мордвы (табл. 5), и соответствующим значением в усредненном личностном профиле самоописания респондентов (первый числовой столбец). Отрицательное значение указывает на то, что данный показатель выше в личностном профиле самоописания. Чтобы восстановить среднее значение по определенному фактору для стереотипа, надо к среднему значению по этому фактору в личностном профиле самоописания прибавить положительное или отрицательное значение разности. Например, типичный «русский вообще» в автостереотипе русских респондентов и гетеростереотипах эрзян и мокшан оказался существенно менее открытым, доброжелательным и сознательным, чем в среднем сами русские респонденты.

В этих двух таблицах содержится информация о значимости или незначимости 75 пар различий в средних факторных значениях стереотипа и самоописания (5 объектов оценки × 5 факторов × 3 стереотипа), из них значимых (маргинальных) 48 (3), в том числе для фактора N выявлено 4 (1), для E — 1 (2), для O — 15 (0), A — 14 (0), C — 14 (0), т. е. поч-

ти 90 % значимых различий приходится на факторы «открытость», «доброжелательность» и «сознательность». Возможно, точнее всего респонденты оценивают черты, которые относятся к факторам «нейротизм» и «экстраверсия». Однако отчасти это связано и с общей более низкой вариативностью оценок по этим двум факторам по сравнению с тремя другими. Так, диапазон между максимальной и минимальной величинами средних значений составлял: для N — 2,2, E — 3,1, O — 5,2, A — 5,8 и C — 4,7.

При анализе изменения величин факторов при переходе от самоописания к автостереотипу и гетеростереотипам обнаруживается вполне закономерная картина. Во всех случаях нейротизм в стереотипах оказывается выше, чем в самоописаниях, тогда как по всем другим факторам мы наблюдаем обратное соотношение (за исключением всего лишь одного и незначимого случая для экстраверсии: эрзяне в среднем оценили у себя E ниже того значения, которое получили мокшане и даже мордва в оценках русских респондентов), — величины всех других факторов оказываются выше в самоописаниях. Эти зависимости наглядно демонстрируются с помощью рис. 2–4, на которых представлены средние значения факторов большой пятерки для «русского вообще», типичного эрзянина, типичного мокшанина (рис. 2), регионального русского (рис. 3) и типичного мордвина (рис. 4). На всех рисунках четко видна общая тен-

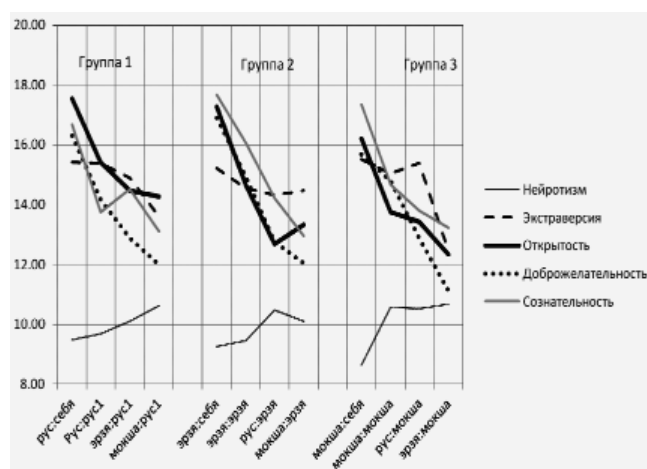

Рис. 2. Три группы оценок факторов большой пятерки: в первой группе оцениваются русские, во второй — эрзяне, в третьей — мокшане. Внутри каждой группы последовательность оценок слева-направо: самоописание, автостереотип, два гетеростереотипа

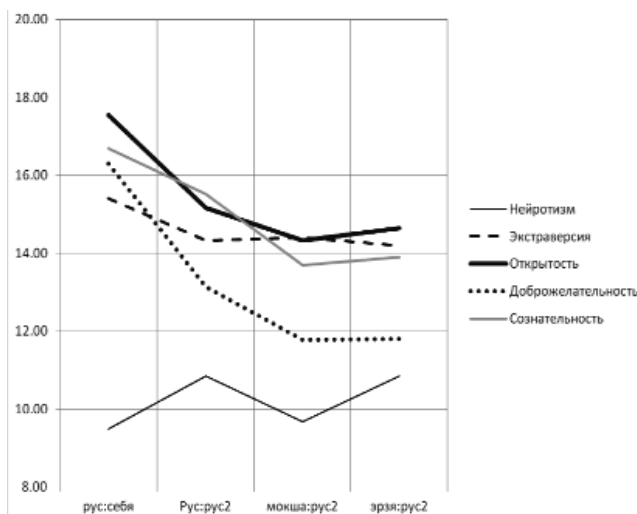

Рис. 3. Группа оценок русских, живущих в Мордовии, по факторам большой пятерки. Последовательность оценок слева-направо: самоописание, автостереотип, два гетеростереотипа

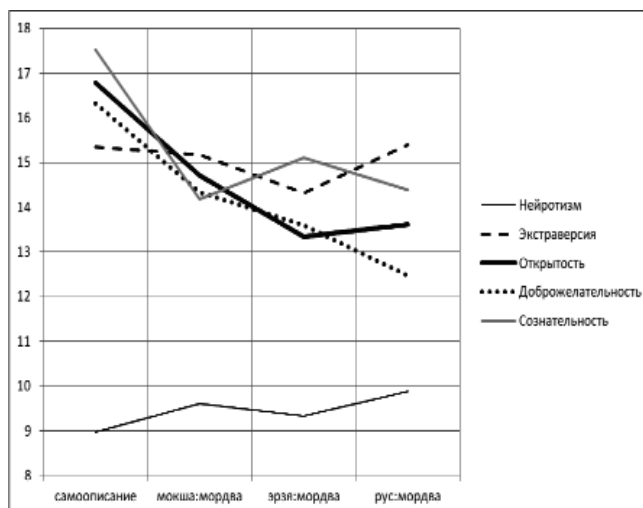

Рис. 4. Группа оценок типичного представителя мордвы по факторам большой пятёрки. Последовательность оценок слева-направо: самоописание (среднее по группам мокши и эрзи), два автостереотипа, гетеростереотип

денция к увеличению нейротизма в последовательности от самоописания к третичной проекции и, наоборот, к снижению величин факторов открытости, доброжелательности и сознательности. Изменения по экстраверсии не являются ни значительными, ни однозначными. Тем не менее, и в случае экстраверсии мы видим (как и для других факторов, кроме нейротизма), что первые два-три максимальных значения принадлежат самоописаниям. В случае нейротизма два самых низких значения принадлежат самоописаниям.

Указанный факт противоположного направления изменения показателей нейротизма и других факторов на самом деле отражает общую закономерность: переход от позитивно воспринимаемых значений (низкий нейротизм, высокие открытость, доброжелательность и т. д.) в самоописаниях к менее позитивным — в гетеростереотипах.

Самым четким образом закономерность монотонного снижения значений в последовательности от самоописания к гетеростереотипам проявляется для фактора «доброжелательность». Здесь наиболее высокие значения имеют самоописания, потом идут шесть автостереотипов и за ними следуют все гетеростереотипы.

Интересно отметить некоторые случаи согласия и, напротив, противоречий между проекциями национального характера.

1. По нейротизму (N) самоописание русских, в отличие от мокшан и эрзян, не находится в числе трех самых низких значений. То, что это не случайно, и что русские респонденты действительно находят у себя признаки относительно более высокого нейротизма, подтверждается тем, что автостереотип регионального русского по этому фактору имеет второе по величине значение (10,8), пропустив на первое место лишь эрзянский гетеростереотип регионального русского (10,9). Таким образом, в оценках нейротизма автостереотип и ге-

теростереотипы «русского вообще» близки к самоописанию русских респондентов.

В отличие от нейротизма у русских, оценки по этому фактору у мокшан содержат некоторые противоречия, в частности между самоописанием и автостереотипом: в самоописании мокшане ставят себя на самую низкую позицию (8,6), но их автостереотип занимает пятую позицию (10,6) среди самых высоких значений. И в представлении эрзян нейротизм мокшан выражен почти столь же высоко (10,7), как и у региональных русских.

У эрзян таких противоречий нет: низкое значение в самоописании (9,2) не сильно отличается от его значения в автостереотипе (9,5); и в гетеростереотипах эрзяне не лидируют по этому фактору.

2. Хотя в целом по экстраверсии (E) мокшане дают себе самые высокие оценки (15,5), за ними следуют русские респонденты (15,4), но эрзяне ставят мокшан на самое последнее место (12,4), что и дало по этому фактору единственное значимое различие между самоописанием и стереотипами.

3. По открытости (O) русские оценивают себя самым высоким образом (17,5), достаточно высоко стоят и оба автостереотипа русских (15,4 у «русского вообще» и 15,2 у регионального русского, сразу за самоописаниями трех этногрупп), и, что примечательно, согласно гетеростереотипам, этот фактор также признается более высоким у «русского вообще» (эрзя — 14,5, мокша — 14,3) и у регионального русского (эрзя — 14,6, мокша — 14,3). Мокшане весьма критично оценивают открытость у своего типичного представителя (13,7).

4. По фактору доброжелательность (A), как уже говорилось, имеет место четкая последовательность уменьшения значений от первичных к третичным проекциям, и достаточно явных противоречий здесь, по-видимому, нет. Русские примерно одинаково оценивают этот фактор у мокшан (12,9), эрзян (12,8) и мордвы (12,5); самое низкое значение фактора A эрзяне атрибутируют мокшанам (11,1), в то время как мокшане считают, что оба типа русских уступают по доброжелательности эрзянам.

5. По фактору сознательность бросается в глаза, что эрзяне как среди самоописаний, так и среди автостереотипов получили самые высокие оценки (17,7 и 16,1, соответственно), однако в представлении мокшан эрзяне занимают последнее место (12,9); при этом русские довольно высоко оценили сознательность эрзян (14,2), подняв ее выше значения в автостереотипе «русского вообще» (13,8).

Выводы

1. Сравнительный анализ самоописаний трех этногрупп респондентов — русские, мокша и эрзя — дает основание сомневаться в существовании заметных характерологических различий между ними.

2. Обнаружена общая закономерность: переход от позитивно воспринимаемых значений (низкий нейротизм, высокие открытость, доброжелательность и т. д.) в самоописаниях к менее позитивным в авто- и гетеростереотипах.

3. Представления русских респондентов о типичных мокшанах и эрзянах оказались ближе к самоописаниям мокшанских и эрзянских респондентов, чем представления мокшан об эрзянах и эрзян о мокшанах.

4. Следовательно, этнокультурные близость и знакомость народов не гарантируют более точные представления о национальных характерах друг друга; этнокультурно более далекий, «третий» народ может иметь более точные представления о национальном характере этих народов.

5. Результаты согласуются с гипотезой, что взаимные гетеростереотипы эрзян, мокшан и русских не отражают реальные взаиморазличия национальных характеров.

Литература

1. Аллик Ю., Мьттус Р., Реало А., Пуллманн Х., Трифонова А., МакКрэй Р.Р., Мещеряков Б.Г. и 55 участников проекта «Русский характер и личность». Конструирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1.

2. Баляев С.И. Этнические стереотипы как социально-перцептивные феномены этнического самосознания эрзян и мокшан: Дисс. ... канд. психол. наук по специальности 19.00.05 — соц. психология. Самарский гос. пед. университет, 1999.

3. Баляев С.И. Этнические стереотипы как социально-перцептивные феномены этнического самосознания эрзян и мокшан. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Самара, 1999.

4. Allik J., Realo A., Mottus R., Pullmann H., Trifonova A., McCrae R.R. et al. Personality Profiles and the "Russian Soul": Literary and Scholarly Views Evaluated // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. V. 42 (3).

5. Allport G.W. The nature of prejudice (25th Anniversary ed.). N. Y., (1978 / 1954).

6. Boster J.S., Maltseva K. A crystal seen from each of its vertices: European views of European national characters // Cross-Cultural Research. 2006. V. 40(1).

7. Costa P.T. Jr., McCrae R.R. Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional Manual. Odessa, FL, 1992.

8. Hilton J.L., Hippel W. von. Stereotypes // Annu. Rev. Psychol. 1996. V. 47.

9. Inkeles A. National Character: A psycho-social perspective. New Brunswick, 1997.

10. McCrae R.R., Allik J. (eds.) The Five-Factor Model of Personality Across Cultures. N. Y. et al., 2002.

11. Pettigrew T.F. The ultimate attribution error: extending Allport's cognitive analysis of prejudice // Pers. Soc. Psychol. Bull. 1979. V. 5.

12. Terracciano A., Abdel-Khalek A.M., Adam N., Adamovova L., Ahn C., Ahn H.N., et al. National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures // Science. 2005. V. 310 (5745).

Russians, Mokshans and Erzyans: Analysing Projections of National Characters

B.G. Meshcheryakov

PhD in Psychology, professor at the Chair of Psychology, Dubna International University of Nature, Society and Man

E.A. Shamanina

PhD student at the Chair of Psychology, Dubna International University of Nature, Society and Man

J. Allik

PhD in Psychology, professor of experimental psychology, University of Tartu (Estonia)

This research covered three ethnic groups (Russians, Mokshans and Erzyans) and all participants (140 persons) were students of the same Mordvinian university. Their task was to evaluate personality traits of the following 'evaluation objects' using the National Character Survey: 1) Russian in general; 2) Russian living in Mordovia (regional Russian); 3) Mordva; 4) Erzya; 5) Moksha; 6) oneself. Although there seemed to be no significant characterological differences between the three ethnic groups of respondents, there certainly were considerable differences in their auto- and, most importantly, heterostereotypes. The paper reflects on how positively perceived values in self-descriptions (low Neuroticism, high Openness for Experience, Agreeableness etc.) transform into less positive ones in auto- and heterostereotypes. As it is concluded, ethnocultural closeness and acquaintanceship between the nations do not guarantee a better understanding of each other's national characters.

Keywords: ethnic stereotypes, National Character Survey, Big Five, Mordva, Moksha, Erzya, Russian.

References

1. Allik Yu., Myttus R., Realo A., Pullmann H., Trifonova A., MakKrei R.R., Meshcheryakov B.G. i 55 uchastnikov proekta "Russkii harakter i lichnost'". Konstruirovaniye nacional'nogo haraktera: svoistva lichnosti, pripisyvaemye tipichnomu russkomu // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 1.
2. Balyaev S.I. Etnicheskie stereotipy kak social'no-perceptivnye fenomeny etnicheskogo samosoznaniya erzyan i mokshan: Diss. ... kand. psihol. nauk po special'nosti 19.00.05 – soc. psihologiya. Samarskii gos. ped. universitet, 1999.
3. Balyaev S.I. Etnicheskie stereotipy kak social'no-perceptivnye fenomeny etnicheskogo samosoznaniya erzyan i mokshan. Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Samara, 1999.
4. Allik J., Realo A., Mottus R., Pullmann H., Trifonova A., McCrae R.R. et al. Personality Profiles and the "Russian Soul": Literary and Scholarly Views Evaluated // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. V. 42 (3).
5. Allport G.W. The nature of prejudice (25th Anniversary ed.). N. Y., (1978 / 1954).
6. Boster J.S., Maltseva K. A crystal seen from each of its vertices: European views of European national characters // Cross-Cultural Research. 2006. V. 40(1).
7. Costa P.T. Jr., McCrae R.R. Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional Manual. Odessa, FL, 1992.
8. Hilton J.L., Hippel W. von. Stereotypes // Annu. Rev. Psychol. 1996. V. 47.
9. Inkeles A. National Character: A psycho-social perspective. New Brunswick, 1997.
10. McCrae R.R., Allik J. (eds.) The Five-Factor Model of Personality Across Cultures. N. Y. et al., 2002.
11. Pettigrew T.F. The ultimate attribution error: extending Allport's cognitive analysis of prejudice // Pers. Soc. Psychol. Bull. 1979. V. 5.
12. Terracciano A., Abdel-Khalek A.M., Adam N., Adamovova L., Ahn C., Ahn H.N., et al. National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures // Science. 2005. V. 310 (5745).